

Глава 19

Змейка сегодня что... так разбушевался...

Лю Чжэчжи, сдерживая готовый сорваться с губ стон, молча ждал, когда эти двое, забрав сокровища, наконец уйдут. Но Бай Цю, похоже, пришёл не только за этим. Взяв сокровища, он продолжал смотреть на него, его взгляд блуждал по его груди.

— Спасибо, старший брат-ученик. Я так по тебе скучал, давно хотел прийти, но боялся потревожить твой покой...

С этими словами Бай Цю бросился к Лю Чжэчжи. Дуань Чэнцянцян смотрел на это, и Лю Чжэчжи не мог уклониться. Он нахмурился, когда тот обнял его. Сначала он почувствовал отвращение, а затем что-то неладное в области груди.

Рука Бай Цю...

Когда он понял, было уже поздно. Бай Цю громко воскликнул:

— Старший брат-ученик, почему ты снова носишь на себе эту змею? Она же кусается.

С этими словами он повернулся к Дуань Чэнцянцян.

— Наставник, помогите старшему брату-ученику. Его змея в прошлый раз откусила у меня кусок плоти. Не дай бог, она поранит и старшего брата-ученика...

Всего одна фраза, и Лю Чжэчжи понял его цель. Он пришёл за Змейкой. Впервые за долгие годы социофоб, всегда уступавший, бросил на этого неприкосновенного главного героя холодный взгляд.

— Такое было? Тварь, которую вырастил Чжэчжи, ранила тебя? — Дуань Чэнцянцян с тревогой посмотрел на Бай Цю, а затем, повернувшись к Лю Чжэчжи, сурово отчитал его: — Чжэчжи, как ты, будучи старшим братом-учеником, мог позволить твари ранить младшего брата!

Ну что, я говорил.

Мо Янь разжал челюсти и вильнул хвостом.

Дурак. Эти двое просто издеваются над тобой. Сколько бы ты ни терпел, это бесполезно. Глупо, да? Отдал сокровища, и что толку? Они всё равно продолжают давить.

— Это не тварь, — повторил Лю Чжэчжи. Его Змейка — не тварь.

Впервые с тех пор, как он попал в этот мир и стал учеником, он послушался своего наставника.

Он знал, что сегодня добром это не кончится. Бай Цю пришёл с определённой целью — отомстить Змейке. Либо он, рискуя всем, защитит его, либо... Змейку заберут эти двое, и его ждёт верная смерть.

— Этот ублюдок посмел укусить твоего младшего брата-ученика, как его ещё назвать? — Дуань Чэнцяннь сверкнул глазами. — Чжэчжи, ты смеешь перечить наставнику?

Лю Чжэчжи, сжав спрятанные в рукавах руки, молчал.

Он боялся людей, особенно когда на него кричали. Раньше он бы тут же извинился, чтобы замять дело. Но не сегодня.

Если он уступит, пострадает его Змейка.

Мо Янь не знал, о чём он думает. Зная, что тот без духовной силы не сможет противостоять Дуань Чэнцянню, он молча собрал в груди всю свою демоническую ци и остатки духовной энергии.

Ничего, не бойся, обругай его!

Если что, я прикрою. Пусть я и ослаб, но я не позволю этой старой собаке обидеть тебя!

Демоническая ци была источником силы Мо Яня, его жизненной основой. Сейчас он, не моргнув и глазом, был готов пожертвовать ею, чтобы спасти Лю Чжэчжи.

— Чжэчжи, отдай эту тварь, — Дуань Чэнцяннь шагнул вперёд. В его взгляде не было и тени отцовской любви, лишь какая-то зловещая тень. — Позволить духовному питомцу ранить младшего брата-ученика — то же самое, что самому напасть на собрата. Неужели ты хочешь, чтобы тебя судили в Зале Правосудия по законам секты?

Он не любил своего главного ученика, Лю Чжэчжи всегда это знал.

Этот магистр, прославивший Секту Цянькунь, добился того, что она стала первой в мире самосовершенствования, лишь благодаря силе своего ученика. Но каждый день он сгорал от зависти, ненавидя ученика за то, что тот превосходил его силой и затмевал его славу.

Он заставлял его работать на себя и в то же время тайно строил ему козни.

Лю Чжэчжи всё знал, просто не хотел связываться. Самосовершенствование — это совершенствование духа, и это тоже было своего рода испытанием. К тому же... он действительно боялся.

— Змейка — мой, — на этот раз Лю Чжэчжи, хоть и боялся, не отступил ни на шаг. Его голос был твёрд. — Я не могу отдать его наставнику.

Если бы у Мо Яня были руки, он бы ему заплодировал.

Да, так и надо!

Я за тебя, ничего не бойся, иди до конца!

Человек, который сотни лет подчинялся, вдруг так дерзко ослушался. Дуань Чэнцян и Бай Цю на мгновение замерли.

— Старший брат-ученик, как ты можешь из-за твари злить наставника? Может, ты плохо себя чувствуешь и оговорился?

Бай Цю, как всегда, говорил в своей манере, вроде бы ища оправдание для Лю Чжэчжи, но на самом деле лишь подливая масла в огонь.

И это сработало. Лицо Дуань Чэнцяня потемнело ещё больше.

— Лю Чжэчжи, ты что, взбунтовался? Отдай эту тварь!

Раньше он не смел говорить с ним так резко. Но теперь у Лю Чжэчжи не было ни капли силы, и как бы он его ни унижал, тот не мог сопротивляться. Поэтому он и осмелел.

Но он недооценил привязанность Лю Чжэчжи к Змейке. Их уговор быть вместе до конца был единственным тёплым чувством, которое Лю Чжэчжи испытал в своей жизни. Даже если...

Это была всего лишь маленькая змейка, которая даже не умела говорить.

Пока Лю Чжэчжи молчал, в ладони Дуань Чэнцяня уже скопилась духовная энергия. Он явно собирался применить силу.

В глазах Мо Яня мелькнула жестокость. Он уже был готов действовать, как вдруг его схватили за седьмой позвонок, вынули из-за пазухи и бросили на стол позади.

А?!

Лю Чжэчжи, что ты, чёрт возьми, делаешь!

Мо Янь, упав на стол, с трудом поднялся. Голова кружилась. Он увидел, как Лю Чжэчжи, не моргнув и глазом, сложил печать и выдавил из себя несколько капель крови сердца. Его лицо стало белым, как бумага, но скорость, с которой он складывал печати, лишь возрастала.

— Я сказал, не отдам.

Четыре слова, произнесённые по слогам. Его холодный голос стал резким и пронзительным. С последним словом весь пик Облачного Бамбука содрогнулся.

Использовать кровь сердца для активации массива — то же самое, что сжигать свою жизнь. Мо Янь хотел его остановить, но было поздно. Человек в белом с белыми волосами медленно поднялся в воздух, в нём не было и тени прежней слабости. Он надёжно прикрыл собой свою змейку.

— Сюань, подавление. (Чёрная Черепаха, подавление)

Три лёгких слова, и образ божественной черепахи Сюань взмыл в небо, накрыв собой весь пик Облачного Бамбука и сбросив Дуань Чэнцзя и Бай Цю с горы.

Великий массив Чёрной Черепахи, в древности использовавшийся для защиты целых миров. Даже без сил, Лю Чжэчжи было достаточно его, чтобы защитить пик Облачного Бамбука.

Если Дуань Чэнцзянь не решится, рискуя всем, сломать массив, то с сегодняшнего дня пик Облачного Бамбука будет отрезан от мира и защищён от посторонних.

Мо Янь, не мигая, смотрел на парящую в воздухе фигуру, способную, казалось, удержать небо. В его глазах были лишь восхищение и изумление.

Вот он, тот Лю Чжэчжи, которого он знал.

Тот Бессмертный Владыка Чжэчжи, с которым он сражался пятьсот лет и не мог победить. Даже лишившись сил, лишь с помощью своего непревзойдённого искусства Ци Мэнь Дунь Цзя, он мог стоять, высокий и стройный, как ясная луна, не позволяя никому приблизиться.

Великий Демонический Владыка был так поражён, что застыл на месте, его глаза прилипли к Лю Чжэчжи. Так продолжалось до тех пор, пока тот, прикрыв рот рукой, не начал мучительно кашлять и, пошатываясь, не опёрся о стол.

Мо Янь испугался. Он тут же пополз по его руке на плечо и, увидев, как тот кашляет кровью, запаниковал.

Ты... кто тебя просил рисковать жизнью, чтобы защитить меня! Ты что, дурак?!

Лю Чжэчжи, ты... ты не умирай! Если ты продержишься хотя бы мгновение, я смогу тебя спасти!

— Не... кх-кх... Змейка, не бойся.

Лю Чжэчжи хотел погладить его по голове, чтобы успокоить, но у него не было сил. Он лишь беспомощно смотрел, как змейка, высунув язык, слизывает кровь с его губ, и с трудом произнёс:

— Цинъюнь...

Длинный меч, окутанный духовной энергией, появился из ниоткуда и, повинаясь воле своего хозяина, опустился на стол.

— Змейка, это мой меч жизни, Цинъюнь. Я сейчас усну, возможно, надолго. Если ты не дождёшься моего пробуждения и захочешь уйти, возьми его с собой, чтобы никто... никто...

Не успел он договорить, как потерял сознание. За мгновение до того, как его тело коснулось пола, Мо Янь принял человеческий облик и подхватил его. Он, не раздумывая, поцеловал его, передавая ему всё, что у него было — и демоническую ци, и духовную энергию.

Хоть он и знал, что Лю Чжэчжи не умрёт, а лишь надолго уснёт, Мо Янь всё равно сделал это, опустошая себя, чтобы наполнить его.

По крайней мере... по крайней мере, пусть этот дурак проснётся поскорее. Да, он должен проснуться поскорее.

— Я ещё руководства не выучил, если ты не проснёшься, кто меня научит!

Мо Янь говорил грубо, но его движения были невероятно осторожными. Он уложил его на кровать так легко, как только мог, боясь причинить ему вред.

<http://bllate.org/book/16980/1585115>